

Б. МЕРИДЖИ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД «СБОРНИКОМ КИРШИ ДАНИЛОВА»

Какое значение имели два издания «Сборника Кирши Данилова», появившиеся в первые десятилетия XIX в., в истории русской культуры и какой интерес они вызвали также за пределами России, какую роль они сыграли в интенсификации исследований народного творчества и как они стали не только предметом занятий филологов, но и источником вдохновения для писателей и музыкантов — все это было превосходно раскрыто Б. Н. Путиловым в его очерке «Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике».¹ Каким бы мотивам не приписывать создание «Сборника», который, однако, совершенно очевидно был плодом многосторонних побуждений и коллективного труда,² несомненно, что данное произведение является важнейшим культурным памятником середины XVIII в.: не только потому, что оно отражает рождение довольно интенсивного интереса к фольклорным сюжетам, интереса, который вызывает столько плодотворных откликов в следующем веке, но также потому, что оно являет нам первое серьезное и полное свидетельство о народной поэзии вообще и о былинном эпосе в частности, свидетельство, могущее быть использованным наукой и представляющее местами аспекты чисто архаические, которые в последующих сборниках окажутся поблекшими, если не совершенно удаленными. Хотя невозможно было бы утверждать ничего абсолютно точного относительно критериев, по которым осуществлялись выбор и запись текстов, собранных в этом первом органическом сборнике русской народной поэзии, никто не может усомниться, что эти тексты восходят к гораздо более древней традиции, чем та, которая представлена

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 513—565.

² По данному вопросу, кроме очерка, цитируемого в предыдущей сноске, см.: А. П. Евгеньева. Рукопись сборника Кирши Данилова и некоторые ее особенности. — В кн.: Древние российские стихотворения, стр. 575—586.

великими собирателями XIX в., и снабжают нас обширными указаниями относительно оригинального характера былинной поэзии — указаниями, которые часто не ценятся по достоинству.

Здесь невозможно подвергнуть исчерпывающему анализу весь состав «Сборника Кирши Данилова», но достаточно будет сосредоточить наше внимание на нескольких примерах, чтобы проиллюстрировать эту концепцию: ограничимся поэтому рассмотрением некоторых деталей былин, озаглавленных «Садко — богатый гость»³ и «Алеша Попович».⁴ По сравнению с вариантом А. П. Сорокина,⁵ более богатым деталями и, можно сказать, «классическим», фундаментальным, былина о Садко (1-я часть) представлена в нашем «Сборнике», хоть и менее полно, но, без сомнения, в более чистом виде и, возможно, более близком к оригинальной версии события. При тщательном анализе в варианте Сорокина и в других совпадающих с ним вариантах нет настоящего, подлинно-логического объяснения покровительству, оказанному Садко-гуслиарю сверхъестественным существом, возникшим из озера Ильмень и называемым «царь водяной» (выражение, вероятно, смешанного происхождения),⁶ и нелегко понять, какие отношения могут связывать героя-гуслиаря с рыбной ловлей; напротив, совсем иной и вполне доступной анализу в свете русских (или вообще славянско-языческих) народных верований и исторической ситуации является картина, рисуемая вариантом Кирши Данилова. В этом последнем⁷ Садко — рыбак или же купец, который двенадцать лет плавал по Волге, преуспевая и в полном здравье; решив отправиться в Новгород, делает приношение реке в знак благодарности, и как бы в вознаграждение за это свидетельство почтения Волга поручает ему приветствовать «ее брата, славное озеро Ильмень». Именно благодаря этому приветствию, этим близким отношениям с духами воды, герой завоевывает также и благоволение Ильмень-озера.

Вместо туманной фигуры по варианту Сорокина мы в самом деле видим здесь в начале былины водянику (Волгу-реку) и водяного (Ильмень-озеро). Водяным, обитающим близ рек и озер, приносятся дары по обычаю, известному русским простонародью. Благоволение водяных снискивается посредством именно таких форм почитания.⁸ Надо также сказать, что в тексте Сорокина фигуры «царя-водяного» из 1-й части и «царя-морского» из

³ Там же, стр. 184—189.

⁴ Там же, стр. 125—135.

⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. I. Изд. 4-е, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 640—657.

⁶ По данному вопросу см.: В. Meriggi. La byline de Sadko. — *Revue des études slaves*, t. 31, 1961, стр. 91—103. См. особенно стр. 95 и сл.

⁷ См.: Древние российские стихотворения, стр. 184—189.

⁸ Ср.: С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX века. М.—Л., 1957, стр. 85 и сл.

3-й части не четко разграничены и что, кроме того, представляется возможным доказать наличие контаминации мотивов в отдельных эпизодах одной и той же былины;⁹ напротив, у Кирши Данилова, с одной стороны, достаточно четко разделены эпизоды «Садко богатой гость» и «Садко корабль стал на море»¹⁰ и, с другой — ясно обрисованы яркими и индивидуальными чертами Ильмень-озеро из первой былины и царь морской из второй. Без сомнения, более древней, отражающей период, когда два мотива сближаются (отсюда совпадение имени героя), но еще не сливаются в одно целое, является фаза, представленная «Сборником Кирши Данилова». Здесь, в самом деле, первый эпизод легко локализовать — как в начале, так и в дальнейшем развитии — в кругу русских (или славянских) народных верований и особых исторических условий Новгорода. Второй эпизод, напротив, изобличает, по крайней мере в некоторых частях, свое экзотическое происхождение. Когда читаешь, что Садко во время затишья оставлен в море, вспоминается индийский обычай, согласно которому во время долгого безветрия в открытом море один из членов экипажа, вытащивший жребий, вверялся океану на хрупком бамбуковом плоту: только тогда пассаты снова начинали дуть, наполняя паруса и делая возможным продолжение плавания.¹¹ Напротив, у Сорокина эпизод спуска Садко в глубины моря тщательно разработан и символизирует опасность вечного изгнания, которой подвергается герой со времени своего поражения в состязании с Новгородом.¹² Если трактовка фигуры Садко интересна, поскольку показывает архаический характер «Сборника Кирши Данилова», то еще важнее трактовка мотива, известного в фольклористической литературе («Алеша и Тугарин»), где, как я попытаюсь показать, несомненно задается проблема самого происхождения былинного жанра.

Данная былина принадлежит к той группе, которой В. Я. Пропп дает общее название «Герой в борьбе с чудовищами».¹³ Кроме того, что они показывают самых популярных богатырей в борьбе с чудовищными существами, былины этой группы обнаруживают еще некоторые странные совпадения, которые можно свести к следующим пунктам.

1) Подвиг (или подвиги), навстречу которому идет герой, является его первым (или первыми) деянием. Илья Муромец уходит из родного дома, чтобы сразиться с Соловьем-разбойником

⁹ Относительно этого аргумента см.: В. Meriggi. *La byline de Sadko*, стр. 100 и сл.

¹⁰ Древние российские стихотворения, стр. 230—239.

¹¹ Данный обычай описан Ж. Обуайе в кн.: J. Auboyer. *La vie quotidienne dans l'Inde ancienne*. Paris, 1961. Цитируется по итальянскому переводу: *L'India fino ai Gupta*. Milano, 1965, стр. 111.

¹² В. Meriggi. *La byline de Sadko*, стр. 99 и сл.

¹³ В. Я. Пропп. *Русский героический эпос*. 2-е изд., Гослитиздат, М. 1958, стр. 179—206.

(также и в другом мотиве, в котором повествуется о борьбе Ильи с чудовищем, «Илья и Идолище», богатырь приходит в Киев — или в Константинополь — издалека); Добрыня оставляет родную мать в своем рязанском доме, прежде чем встретиться со Змеем; аналогичным образом Алеша уходит из Ростова и по дороге к Киеву (или в самом Киеве, или и здесь и там) встречает Тугарина или нескольких противников (особенно интересно в этой былине то, что Киев, видимо, еще не является центром богатырей).

2) Поединок между героем и чудовищем в лучших вариантах обеих былин постоянно повторяется: Илья сначала поражает Соловья-разбойника и берет его в плен в лесу, а потом повторяет свой подвиг при дворе Владимира, где происходит уничтожение чудовища; Добрыня в первый момент борьбы со Змеем побеждает, но, пощадив его, устанавливает с ним соглашение, а затем, так как Змей возобновляет враждебные действия, он снова борется с ним и убивает его. Былина об Алеше и Тугарине существует в двух вариантах, по первому из которых поединок между богатырем и чудовищем происходит прежде чем герой приходит в Киев, а по второму — в самом Киеве.¹⁴ В сборнике Кирши Данилова, как и в некоторых вариантах, собранных А. М. Астаховой,¹⁵ поединок повторяется (согласно тексту Кирши Данилова, один и тот же противник убивается два раза; согласно варианту Астаховой, напротив, речь идет о двух разных противниках).

3) Первый поединок между Добрыней и Змеем, первая версия поединка между Алешей и Тугариным и часто также поединок между Ильей и Соловьем-разбойником происходят вблизи реки, играющей роль препятствия.

4) Существа, с которыми борются герои, обладают разного рода сверхъестественными чертами, богатыри иной раз употребляют против них магические средства.

5) Змей похищает Забаву Путятишну или же, в варианте Кирши Данилова, тетку Добрыни; Тугарин, по второй версии, покорил себе Евпраксию.

Какие выводы можно сделать из совпадения всех этих деталей? В своем исследовании, посвященном происхождению былин, которое было представлено на конгрессе славистов в Софии,¹⁶ я выдвинул гипотезу, что архетип былинных песен является остаточной формой эпических сочинений, порожденных встречей (или столкновением) двух цивилизаций разного типа — кочующих охотников и оседлых земледельцев, — эпических композиций, в которых могло быть увековечено воспоминание об отдельных моментах древних обрядов племенного посвящения. К атмосфере

¹⁴ Там же, стр. 206—224.

¹⁵ Былины Севера, т. II. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, №№ 125, 198, 212; кроме того, см. комментарий на стр. 697 и сл.

¹⁶ B. Meriggi. Le origini delle byline. Roma, 1963.

племенного посвящения относятся некоторые общие характеристики в былинах, имеющих своей темой борьбу богатыря с неким чудовищным существом.

Оставление родного дома или города и перемещение в Киев (пункт 1) может соответствовать изменению условий или положения, которое есть необходимое условие племенного посвящения.

То обстоятельство, что поединок имеет место близ реки (пункт 3), также может быть приписано тому, что герой стоит перед необходимостью преодолеть некий предел, некий «трудный переход» — именно тот предел, который преодолевают неوفиты в обрядах посвящения, в виде испытаний, которые требуют от них способности справиться с тяжелыми препятствиями.

В обрядах посвящения сверхъестественные существа, описываемые часто как поглотители (сравните фигуру Змея), вступают в контакт с посвящаемыми, которые также глотают магические средства, чтобы им противостоять (пункт 4).

Из обрядов посвящения исключаются женщины, которые очень боятся посвятеля-пожирателя; в рассматриваемых былинах видим, что Тугарин подчиняет своим желаниям Евпраксию и что Змей похищает женщин (пункт 5).

По поводу этого последнего обстоятельства следует, мне кажется, заметить, что одна особенность, известная традиции, сохраненной Киршей Даниловым (пленница Змея не Забава Пуятишна, но тетка Добрыни),¹⁷ вовсе не непонятная, как представляется не только А. Ф. Гильфердингу, но, кажется, еще и В. Я. Проппу,¹⁸ но вполне соответствует той, что, по всей вероятности, была оригинальной версией рассказа, от которого ведет свое происхождение былина.

Если Змей действительно по происхождению посвятель и пожиратель, то вполне понятно, почему Добрыня мог найти подле него, сразив его, свою родственницу, женщину, принадлежащую его семье, его роду, или, если угодно, его племени. Эта женщина, по всей вероятности, нарушила табу, которое отстраняет женщин от обрядов посвящения, и поэтому, что вполне понятно, была похищена Змеем.¹⁹ Несомненно радушный прием, оказанный Владимиром Добрыне и его тетке, не имеет смысла в аспекте, передаваемом текстом, записанным в сборнике Кирши Данилова, поскольку освобождение Марьи Дивовны не имеет никакого значения для Киева. Однако именно эта кажущаяся несообразность

¹⁷ В былине «Добрыня купался — змей унес». — Древние российские стихотворения, стр. 235—239.

¹⁸ В. Я. Пропп, Русский героический эпос, стр. 181—182.

¹⁹ Сравните в этом отношении также варианты, в которых Добрыня, сразив змея, неожиданно находит в логовище чудовища девушку, которая не всегда является племянницей Владимира — варианты, которые выделяет В. Я. Пропп (Русский героический эпос, стр. 199). Эта девушка также может быть женщиной, нарушившей табу.

является свидетельством переходной стадии: на древний миф, повествующий о споре между посвящаемым и посвятителем, налагается последующая стадия, стадия еще не полностью удавшейся «киевизации» события, в том смысле, который я попытаюсь в дальнейшем уточнить. Только когда место тетки Добрыни займет Забава Путятишна, весь эпизод будет полностью погружен в сферу киевских интересов, полностью мотивирован. Таким образом, и в этом случае Кириша Данилов сохраняет, по всей вероятности, версию, более древнюю, чем тот былинный сюжет, который мы знаем по свидетельствам XIX века.

По какой причине поединок часто повторяется (пункт 2)? Собственно, ответ на этот вопрос и составляет основной элемент для определения характера рассматриваемых былин. Мы видели, что другие общие черты могут быть объяснены как дальние отголоски определенных моментов посвячительных обрядов. Если мы принимаем эту интерпретацию, то надо думать, что в своем оригинальном виде песни, от которых происходят наши былины, — песни, восходящие по своему содержанию к догосударственным эпохам, — должны содержать эпические моменты, не имеющие никакой связи с Киевом. Они формировали образец героической поэзии, который мог быть использован для выражения киевских идеалов, но сами по себе они не были немедленно приспособляемы к вхождению в цикл, концентрируемый вокруг киевских интересов и событий.

Когда Пропп отмечает, что былинные герои совершают свой первый подвиг в борьбе с противниками мифического характера, уходя из своего дома, а не из Киева, и заключает, что мотив борьбы с подобными противниками, должно быть, был распространен еще прежде формирования киевского цикла, в который этот мотив мог быть лишь вставлен после переработки,²⁰ ученый несомненно прав, однако важнее в этом отношении попытаться установить, какую роль могли играть данные песни в процессе формирования самого былинного эпоса.

Мне кажется, что наличие пункта 2 в характеристике былин нашей группы как раз представляет собой ценное указание в отношении проблемы генезиса былин вообще. Уже говорилось, что героические песни на тему посвящения могли являть примеры поэтических сочинений, в которых присутствовала схватка героя с противником. Чтобы воспеть борьбу, выдержанную Киевом против его врагов, можно было черпать вдохновение из тех же самых образцов, но необходимо было изменить их содержание. Могли быть применены те же самые образцы, но при условии их приспособления к новой функции, словом, они должны были быть «киевизованы»: из противника индивидуального героя чудовище должно было быть преобразовано во врага Киева.

²⁰ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 214.

Соловей-разбойник является сначала врагом Ильи Муромца, затем он терроризирует двор Владимира, и лишь тогда его убивают; Змей покушается в первый раз на жизнь Добрыни, но, только когда он похищает Забаву Путятишну, его устраняют (и только тогда оказывается, что в пещере чудовища были другие русские люди, ждавшие освобождения). В этих двух былинных сюжетах техника «киевизации» совершенно очевидна. Не столь ясной она оказывается в былине «Илья и Идолище». Здесь также общий ход действия заставляет думать о доисторическом окружении, но процесс «киевизации» доведен до такой степени, что сама былина кажется оторванной от своего давнего предка. Между былиной «Илья и Идолище» и «историческими» и «государственными» былинами нет больше отныне разрыва: она является событием, немедленно предшествующим рождению основного узла всего киевского цикла.

По-другому обстоит дело с былиной «Алеша и Тугарин». Существование двух разных версий, каждая из которых имеет свои структурные особенности и свою проблематику, а также сравнение с мотивами «Ильи и Соловья-разбойника» и «Добрыни и Змея», заставляют думать, что обе версии являются в действительности отдельными частями одного сочинения, отделившимися друг от друга в процессе расслоения. Также и здесь в первой части, вероятно, вспоминались некоторые моменты обряда посвящения. Заметим, между прочим, что Алешу сопровождает Еким, иногда также некий прохожий, как посвящаемых обычно сопровождают специальные «крестные». Известно также, что в трех вариантах²¹ записаны некоторые странные и, на первый взгляд, непонятные особенности: после схватки с Тугариным Алеша надевает его одежду, а Еким, приняв его за чудовище, ранит его или вовсе отрубает ему голову, чтобы потом магическим путем воскресить его. Отнюдь не лишние, эти детали могут охарактеризовать весь эпизод как восходящий к некоторым моментам церемонии посвящения: приобщение неопита к посвятителю или его возрождение в новом виде, как нового индивидуума (перемена одежды); тяжелые испытания, встречающие новичков (избиение Алеши); смерть и воскресение, являющиеся базой всего идеологического фундамента посвящения (обезглавливание Алеши и его волшебное возрождение). Во второй части повествования поединок между Алешей и Тугариным обработан в пользу Киева, и богатырь убивает чудовище, поскольку это последнее представляет угрозу для Киева и бросает позорную тень на Владимира и его двор. Итак, текст Кириши Данилова,²² даже в своей непоследовательности — или, лучше сказать, именно благодаря своей непоследовательности — раскрывает стадию, в которой совершилась «киевизация»

²¹ Там же, стр. 217—222.

²² Древние российские стихотворения, стр. 125—135.

мотива, если иметь в виду, что эпизод поединка повторяется механически, без учета того, что Тугарин, рассуждая логически, не может появиться в Киеве после того, как он уже был убит по дороге в Киев. Может быть, не будет преувеличением утверждать, что этот текст является столпом, на котором держится весь процесс «киевизации» догосударственных былин, отражающим начальный момент этого процесса. В своих несообразностях он еще обнаруживает рудиментарное движение, которое лишь впоследствии выкристаллизуется в формы «Ильи и Соловья-разбойника» и «Добрыни и Змея», или же в былинку о поединке Алеши с разными противниками (тексты Астаховой), чтобы, наконец, прийти к типу былины об Илье и Идолище, отныне совершенно отделенной от оригинальных образцов и готовой в свою очередь стать архетипом для «исторических» и «государственных» сюжетов.